

Чжоу Тун предал огню туши растерзанных зверей, разбросанные вокруг Платформы Хаоса Кровавого Источника, и сотворил заупокойную молитву. Засыпав землей глубокие борозды, он щедро окропил очищенную почву заговоренной водой. На глазах призрачные силуэты несчастных животных стали блекнуть и таять, уплывая вслед за вьющейся струйкой пепла туда, где открывались врата в Подземный мир.

Стоило пасть проклятию Платформы Хаоса Кровавого Источника, как оцепенение, сковавшее чащу, спало. Оглушительно защебетали птицы, тучей взмывая над кронами деревьев и прочертив в блеклом небе черную ломаную линию. Из густых зарослей один за другим потянулись звери; ласкаясь и ища защиты, они робко жались к ногам Чжоу Туна.

Хань Цицин держался из последних сил. Проводив душу Тан Жоу, он рухнул без чувств и так и не очнулся, пока Чжоу Тун наводил порядок.

Чжоу Тун устало вздохнул и обратился к тени:

— Придется тебе немного потрудиться и перетащить его обратно.

— А сам почему не несешь? — недовольно огрызнулась тень.

Чжоу Тун прикинулся обиженным:

— Смилуйся, еще полгода назад я был бледным книжным червем и цыпленка в руках не держал.

Тень промолчала.

Больше препираться тень не стала. Выпустив струйку духовной энергии, она бережно подхватила бесчувственного Хань Цицина и подняла его в воздух. Чжоу Тун с мягкой улыбкой наблюдал за призрачным силуэтом своего невидимого спутника.

Не то чтобы он не хотел донести друга на собственной спине, просто он и сам растратил слишком много духовной энергии.хлопоты с ритуалом опустошили его, и лишняя ноша была ему не под силу. Счастье, что рядом оказалась тень, иначе Хань Цицину пришлось бы валяться в сырой траве, пока Чжоу Тун не сходил бы за подмогой.

В этот момент ветви раздвинулись, и на поляну ступил статный белый олень. Он был заметно крупнее обычных сородичей, а белоснежная шкура придавала ему сходство со священным духом леса. Ступая легко и бесшумно, олень подошел к Чжоу Туну и ласково лизнул его в щеку, а затем негромко и чисто затрубил, косясь на парящего в воздухе Хань Цицина.

Чжоу Тун с удивлением погладил благородное животное по мягкой шерсти.

— Когда я искал сведения об этой горе в сети, кто-то писал, будто в здешней чаще бродит гигантский белый олень. Надо же, не соврали...

Олень, чьи копыта словно утопали в легкой дымке, обошел вокруг юноши, а затем мягко боднул его в плечо. Чжоу Тун озадаченно замер. Животное повернуло голову и призывно мотнуло ею назад.

Чжоу Тун улыбнулся:

— Решил подвезти нас?

Олень согласно кивнул и издал нежный протяжный призыв, подтверждая его догадку.

Чжоу Тун рассмеялся и ласково потрепал его по загривку.

— «У каждой твари есть душа» — не лгали древние.

Он аккуратно усадил бесчувственного Хань Цицина на широкую спину оленя, а затем и сам легко запрыгнул следом.

Почувствовав, что седоки устроились, белый олень звонко затрубил и сорвался с места. Он мчался к усадьбе семьи Сун так стремительно и легко, словно знал дорогу всю жизнь.

Лесные деревья сливались в сплошную зеленую стену. Поначалу Чжоу Тун опасался, что без седла и сбруи на такой бешеной скорости они быстро вылетят на землю, но беги животного оказался на удивление плавным. Они мчались сквозь залитый солнцем сосновый бор, над головой синело безоблачное небо, а со всех сторон несло ликующее пение птиц. Из нор и гнезд то и дело выглядывали любопытные морды лесных обитателей, провожая их долгими взглядами.

Не доходя до усадьбы Сун, олень замедлил шаг и остановился, плавно опускаясь на колени, чтобы дать седокам сойти. Чжоу Тун понимал, что лесному духу лучше не показывать на глаза посторонним, поэтому быстро спрыгнул на землю и бережно подхватил сонного Хань Цицина. Едва они спешились, как из густой листвы ближнего дерева с пискот выскочили две дикие обезьянки. Они протянули Чжоу Туну спелые лесные плоды.

Зверьки умоляюще смотрели на него блестящими черными глазами-бусинами, страшась, что он отвергнет их дар. Чжоу Тун не сдержал улыбки. Он принял подношение и легонько погладил проказников по пушистым головам. Обезьяны пришли в неописуемый восторг: вереща от радости, они взлетели по стволу вверх и, немного покривлявшись на ветках, притаились в густой листве, продолжая подглядывать за юношей.

Дикие плоды славились тем, что веками впитывали чистейшую природную энергию ци. Раз эти

фрукты принесли лесные обитатели, они наверняка были полны живительной силы. Чжоу Тун сунул один плод в приоткрытый рот спящего Хань Цицина — тот рефлекторно сглотнул сладкий сок, — второй съел сам, а третий спрятал в карман. Остальные плоды он бережно держал в пригоршне.

— Они очень сладкие, — негромко произнес он, обращаясь к тени. — Будешь?

Тень промолчала.

— Ну же, — заманчиво протянул Чжоу Тун. — Кожица тонкая, мякоть сочная. Стоит прикусить — и рот заливают сладким нектаром.

— Издеваешься? — уныло отозвалась тень. — Я все равно не почувствую вкуса.

Чжоу Тун негромко рассмеялся. В ту же секунду из его груди вырвался блеклый луч света. Тень выхватила фрукты из его ладони, унося их под кроны деревьев. Спустя мгновение сочные, наливные плоды сморщились и превратились в сухие, безжизненные корки — вся их духовная сущность была выпита до капли.

Заметив это, обезьянки на ветках разразились яростным писком. Они злобно защелкали зубами, явно возмущенные такой прожорливостью незваного гостя.

Тень проигнорировала их гнев.

Чжоу Тун улыбнулся. Едва сок дикого плода разлился по телу, усталость как рукой сняло. Он закинул бесчувственного Хань Цицина на плечи и зашагал к усадьбе. Но стоило ему сделать пару шагов, как ноша за спиной сделалась невесомой. Оглянувшись, он обнаружил, что тело друга едва касается его спины — тонкие полупрозрачные нити, тянущиеся от тени, надежно удерживали Хань Цицина на весу.

— Спасибо, — тихо поблагодарил Чжоу Тун.

Тень промолчала, но тяжести не прибавилось.

— К слову, — заговорил юноша, — мы знакомы уже порядочно, а я до сих пор не знаю твоего имени.

— Лин Юань, — сухо бросила тень.

— Лин Юань... Красивое имя, — улыбнулся Чжоу Тун. — Помнится, когда я спросил тебя в первый раз, ты ответил, что я недостойн его знать. Раз теперь ты открыл его мне, значит ли это, что я наконец заслужил твое доверие?

Тень промолчала.

В ту же секунду его спину придавило с такой силой, что он едва не ткнулся носом в землю. Из темноты донесся раздраженный голос Лин Юаня:

— Слишком много болтаешь!

Чжоу Тун лишь тихо рассмеялся и больше не стал его дразнить.

В усадьбе семьи Сун их ждали с растущим беспокойством. Едва Чжоу Тун и Хань Цицин, пропадавшие всю ночь, показались у ворот, домочадцы гурьбой бросились им навстречу.

Старая госпожа Сун испуганно всплеснула руками:

— Господин наставник, как все прошло? Что стряслось ночью в горах?

— Все позади, — успокоил ее Чжоу Тун. — Беда миновала. Источник порчи уничтожен, а неупокоенная душа обрела мир.

— Молим вас, расскажите подробнее!

— Извольте.

Чжоу Тун в общих чертах описал жуткую ловушку, устроенную на горе, умолчав, впрочем, о личных грехах и обязательствах Хань Цицина перед погибшей Тан Жоу. Выслушав его, старая госпожа Сун покрылась холодным потом.

— Подумать только, — прошептала она, — прямо у нас под боком творились такие бесчинства...

— Все уже в прошлом, бабушка, — тихо добавил пришедший в себя Хань Цицин, слабо улыбнувшись.

Пожилая женщина от избытка чувств едва не упала перед Чжоу Туном на колени, осыпая его горячими благодарностями.

Хань Цицину, чьи раны еще не затянулись, требовался покой, и его уложили спать в одной из гостевых комнат. Чжоу Тун же, подкрепленный чудесными плодами, чувствовал себя бодрым. Закончив разговор со старой госпожой, он распрощался и отправился к себе в лавку.

Он не появлялся дома несколько дней. Стоило переступить порог, как магические артефакты, расставленные по полкам, радостно завибрировали и загудели, приветствуя хозяина. Чжоу Тун

с улыбкой коснулся каждого, умиряя их нетерпеливый гул, и только после этого прошел в комнату покойного отца.

Здесь царила идеальная чистота — Чжоу Тун каждую неделю бережно протирал пыль, сохраняя нетронутым тот порядок, что был при жизни Чжоу Да.

Над двуспальной кроватью висел большой свадебный портрет его родителей. Отец, Чжоу Да, отличался мужественной, суровой красотой, а мать была женщиной утонченной и нежной. Чжоу Тун унаследовал ее мягкие черты — его открытое, располагающее к себе лицо с первого взгляда вызывало у людей симпатию и доверие.

Помня наказ отца, он без труда отыскал на полке старую вазу. Запустив руку внутрь, юноша нащупал на дне небольшую сложенную записку. Он бережно расправил плотную бумагу и принялся читать.

«Мой дорогой сын Чжоу Тун. Если ты читаешь эти строки, значит, меня уже нет в живых, а судьба все же вывела тебя на стезю Небесного наставника. Этот путь полон невзгод и опасностей: тебе придется противостоять коварству людей, злобе духов и капризам самих небес. Я не желал тебе такой доли, а потому давным-давно скрыл твое тело чистой энергии Ян. Но человек предполагает, а Небо располагает. Раз уж тебе суждено было сделать этот шаг, прими свою участь с достоинством.

Печать, что я оставил тебе — мое главное прижизненное сокровище. Она разделена на две части: Янскую и Иньскую. Янская печать способна повелевать ветрами и призывать дожди. Иньская же дает власть над призрачным воинством. Сейчас у тебя в руках Янская печать. Вторую половину, Иньчжан, я когда-то одолжил главе клана Хань с Южного острова, дабы тот умиротворил восставших в Шэньси демонов. Печать до сих пор не вернулась в нашу семью. Отправляйся на Наньдао, Сяо Тун, и забери то, что принадлежит тебе по праву — она сослужит тебе добрую службу. С пути Небесного наставника невозможно свернуть, но я молю богов, чтобы твоя дорога была как можно более гладкой. Береги себя.

Твой отец, Чжоу Да».

Глаза юноши затуманились от подступивших слез. В памяти всплыл теплый летний вечер из далекого детства: отец несет его на плечах по пыльной проселочной дороге, щурясь от лучей заходящего солнца и весело смеясь. Годы стерли из памяти многие детали, но этот глубокий, искренний смех Чжоу Тун помнил до сих пор. Отец всегда высился за его спиной нерушимой горой, защищая от любых жизненных бурь, и даже после смерти продолжал заботиться о сыне.

Иньская и Янская печати были бесценным наследием, оставленным отцом.

Сжав в ладони Иньчжан, Чжоу Тун твердо решил вернуть недостающую часть.

Однако попасть к клану Хань с Южного острова было задачей не из легких. Обитатели Трех

великих семей Небесных наставников издревле были укрыты от глаз простых смертных. Даосские затворники знали примерное направление, но точную дорогу без проводника отыскать не мог никто. Более того, подступы к их землям защищали древние охранные формации, воздвигнутые величайшими мастерами прошлого. У Чжоу Туна было лишь два пути: либо направить главе клана официальное прошение и смиренно ждать аудиенции, либо найти того, кто согласится провести его лично.

Выбор был очевиден. С таким проводником, как Хань Цицин — молодым преемником клана Хань, — путешествие обещало пройти без сучка и задоринки.

Впрочем, Хань Цицин все еще восстанавливал силы в постели. Поразмыслив, Чжоу Тун решил не спешить и дожидаться его выздоровления. Зная характер друга, можно было не сомневаться: едва встав на ноги, тот сам придет выразить благодарность.

Спустя несколько дней Чжоу Тун, как обычно, открыл лавку и принялся за работу. В последнее время его увлекла древняя магия: он вырезал глиняных кукол души для Техники Замещения Тела. Смастерив несколько глиняных кукол души для помощи по хозяйству, он шутики ради придал им сходство со своей тенью. Теперь по дому вовсю носился десяток миниатюрных копий Лин Юаня, из-за чего тот до того разобиделся, что не разговаривал с ним третьи сутки.

Дверной колокольчик звякнул, впуская посетителя. Чжоу Тун поднял глаза и мгновенно внутренне подобрался: за плечами вошедшего мужчины маячил полупрозрачный силуэт маленького ребенка.

Незнакомец нерешительно подошел к прилавку и спросил:

— Вы принимаете старинный нефрит?

— Принимаем, — кивнул Чжоу Тун.

— Тогда взгляните на это. Сколько за нее дадите? — Мужчина боязливо достал из-за пазухи изящную нефритовую подвеску-мао и бережно протянул ему.

Чжоу Тун взял вещь в руки. Чистейший камень безупречной огранки относился к высшему сорту нефрита, а тончайшая резьба указывала на руку старинного мастера. Артефакт обладал мощной природной аурой, однако сейчас его поверхность застилала тусклая серая дымка. Нефрит слишком долго находился в руках недостойного человека и успел пропитаться его скверной.

Эта реликвия явно не принадлежала вошедшему. Чжоу Тун задумался: кража? Или мошенничество? А может, на руках этого проходимца кровь прежнего владельца?

Он не успел расспросить гостя — дверь лавки снова приоткрылась, и на пороге появился Хань

Цицин.

— Чжоу Тун, добрый день.

— Хань Цицин? — Чжоу Тун с облегчением улыбнулся. Юноша выглядел превосходно: осанка выправилась, с головы исчезли повязки, а в глазах снова горела былая уверенность. — Рад тебя видеть. Как самочувствие?

— Твоими молитвами, уже совсем оправился.

Чжоу Тун все еще держал в ладони принесенный нефрит. Стоило Хань Цицину подойти ближе, как тусклый камень вдруг мягко засиял чистым лазурным светом. Хань Цицин опустил взгляд и изумленно вскрикнул:

— Постой, это же мао моей тетушки!

Чжоу Тун промолчал, изумленный совпадением.

— Смотри, он светится! — радостно воскликнул Хань Цицин. — Чжоу Тун, так это ты тот самый предначертанный мне спаситель!

Чжоу Тун вспомнил семейное предание, о котором рассказывал друг. Нефритовый талисман, подаренный тетушкой, должен был указать на человека, способного уберечь Хань Цицина от смертельной угрозы. Как оказалось, этим суженым судьбой спасителем действительно был он сам. Что ж, теперь поездка на Южный остров обещала стать еще проще.

— Какая еще тетушка?! — воришка занервничал и попытался выхватить подвеску из рук Чжоу Туна.

Но юноша мгновенно среагировал, подняв руку высоко над головой:

— Эта вещь тебе не принадлежит.

— Моя она, слышишь! — злобно зашипел мужчина, брызжа слюной. — Я принес ее оценить, а вы решили меня обобрать посреди бела дня?! Я полицию вызову, живо упрячут тебя за решетку, шарлатан проклятый!

— Полицию? — искренне рассмеялся Чжоу Тун. — Что ж, зови. Только вот на твоих руках кровь невинного, так что за решетку отправишься именно ты.

Мужчина вздрогнул как от удара тока и испуганно уставился на гадателя:

— Да как ты... Ты нагло врешь! Клеветашь на честного человека!

— Нефрит — один из самых одухотворенных камней на земле, — вкрадчиво заговорил Чжоу Тун, и голос его зазвучал певуче, усыпляя бдительность собеседника. — Древние мудрецы знали: этот камень помнит все, что довелось пережить его хозяевам. Да, он оберегает праведников, но лишь до тех пор, пока его помыслы чисты. Если помыслы владельца черны, магическая сила нефрита оборачивается против него самого и разрушает разум. Ответь мне: ты все еще уверен, что эта вещь принадлежит тебе?

Слова мага подействовали на вора подобно дурману. Разум затуманился, стены лавки поплыли, взрываясь искрами ядовитого света. Земля ушла из-под ног, и в этой зловещей круговерти перед его мысленным взором возник страшный образ: истекающий кровью ребенок беззвучно полз к нему по дощатому полу.

«Отдай... это мой мао... верни его...»

— Нет! Я не хотел! — в ужасе закричал мужчина, закрывая лицо руками. — Это вышло случайно! Я не собирался убивать тебя! Не подходи!

Одержимый безумием вор с диким воплем вылетел на улицу, спотыкаясь на каждом шагу. Призрак ребенка на прощание благодарно кивнул Чжоу Туну и устремился следом за убийцей. Стоило тому добежать до проезжей части, как бесплотная тень свилась в плотный сгусток темной энергии и со всей силы толкнула преступника под колеса.

Визг тормозов разорвал уличный шум. Тяжелый грузовик на полном ходу сбил беглеца, отбросив его окровавленное тело на несколько метров вперед. Лужа темной крови быстро растекалась по асфальту. Перед тем как испустить дух, убийца хрипел, всматриваясь в пустоту остекленевшим взором:

— Я... я не хотел...

Чжоу Тун повернулся к ошеломленному другу и спокойно произнес:

— Похоже, какой-то мальчишка стащил твою подвеску, а этот мерзавец лишил его жизни ради наживы. Что ж, долг крови уплачен, круг сансары замкнулся. — Он протянул Хань Цицину очищенный нефрит. — Забирай. Оружие должно служить истинному хозяину.

Стоило талисману коснуться ладони законного владельца, как серая дымка растаяла без следа, вернув нефриту первозданную чистоту и блеск.

Бережно спрятав подвеску в карман, Хань Цицин с облегчением выдохнул:

— Какое счастье, что она нашлась. Иначе я бы со стыда сгорел перед тетушкой.

Чжоу Тун заварил свежий чай. Чашка с янтарным настоем и кружащимися в нем молодыми листьями опустилась перед гостем.

Хань Цицин обхватил ее ладонями и заговорил тихим, серьезным голосом:

— Я пришел отблагодарить тебя. Если бы не твое вмешательство, эта поездка стала бы для меня последней. Сяо Жоу была подругой моего детства. Ее отец, горький пьяница и заядлый игрок, в беспамятстве жестоко избивал дочь. Я поклялся вырвать ее из этого кошмара и забрать с собой в дом семьи Хань. Но мама тогда выступила против... А вскоре после возвращения на Южный остров она тяжело заболела и угасла на глазах. Бабушка взяла мое воспитание в свои руки, начались бесконечные изнурительные тренировки, и за ворохом новых забот я позабыл детское обещание. Помнил лишь смутный образ из далекого прошлого. Только когда ее неупокоенный дух стал являться мне в кошмарах, я наконец вспомнил все. Если бы не ты, эта обида, копившаяся долгие годы, утянула бы меня в могилу.

— Находясь внутри бури, трудно разглядеть истину, — скромно улыбнулся Чжоу Тун. — Мне как постороннему было гораздо проще разглядеть источник порчи. На моем месте ты поступил бы точно так же.

— Нет, — покачал головой Хань Цицин. — Моих сил бы точно не хватило. Та изощренная формация, с которой мы столкнулись в горах, превосходит все, что мне известно. Я прочел сотни древних трактатов, но даже для меня это темный лес. Ты же щелкаешь подобные загадки как орехи.

Чжоу Тун шутливо указал на прохожего за окном:

— Ошибаешься. Вот этого господина, к примеру, я вижу впервые в жизни и понятия не имею, как его зовут.

Хань Цицин наконец расслабился и рассмеялся.

— И все же шутки в сторону. Ты спас мне жизнь, и я в долгу перед тобой. — Немного поразмыслив, он достал из кармана небольшой круглый прибор размером с ладонь. — Это семейная реликвия, доставшаяся мне от покойной матери. Называется «Компас рукава вселенной». Он безошибочно указывает границы миров Инь и Ян, а также помогает отыскивать тайники...

— Ты что это удумал? — Чжоу Тун мгновенно нахмурился, перебивая его на полуслове. — Решил откупиться от спасителя безделушкой? По-твоему, твоя жизнь стоит так дешево, или ты держишь меня за корыстолюбивого стяжателя, готового наживаться на чужой беде?

— Вовсе нет! — Хань Цицин растерялся и испуганно замахал руками. — Я вовсе не хотел тебя обидеть, я лишь...

— Ладно тебе оправдываться, — рассмеялся Чжоу Тун, сменяя гнев на милость. — Раз уж ты так жаждешь поквитаться с долгом, просто выполни одну мою просьбу.

— Проси о чем угодно!

— Я хочу посетить обитель твоей семьи на Южном острове. Буду признателен, если ты согласишься стать моим проводником.

— К нам на Наньдао? — изумился Хань Цицин. — Могу я спросить, что привело тебя в наши края?

— Мой отец владел парными артефактами: Иньской и Янской печатями. Янчжан сейчас при мне, а вот Иньчжан много лет назад была одолжена вашей семье для умирения мятежных духов. С тех пор она так и хранится у вас. Я хочу вернуть законное наследие своего рода.

— Вот оно как... — Хань Цицин задумчиво потер подбородок. — Честно говоря, я не припомню в наших хранилищах подобного предмета.

— Это случилось почти тридцать лет назад.

— Что ж, — Хань Цицин поднялся и вежливо поклонился, сложив руки перед грудью. — Клан Хань с Южного острова сочтет за честь принять тебя в своем доме.

— Благодарю, — ответил Чжоу Тун.

— Какое удачное совпадение! — воодушевился Хань Цицин. — Совсем скоро начнется Великое собрание трех семей Небесных наставников — Чжан, Хань и Чу. Молодые мастера со всего Китая сойдутся в искусстве геомантии и экзорцизма. Будет невероятно интересно, тебе обязательно нужно на это взглянуть!

— С удовольствием, — согласился Чжоу Тун. Он не раз слышал об этом грандиозном событии, считавшемся главным торжеством в мире экзорцистов. Попасть туда постороннему было практически невозможно, так что упускать подобный шанс не стоило.

В назначенный день Чжоу Тун прибыл в аэропорт. Каково же было его удивление, когда рядом с Хань Цициным он увидел старую знакомую.

То была Дуаньму Цю.

Девушка при виде мага тоже округлила глаза от изумления. Переведя взгляд на племянника, она мгновенно все сообразила:

— Так это и есть твой спаситель?

— Да, — кивнул Хань Цицин и удивленно спросил: — Тетушка, вы знакомы?

— Еще бы! — Дуаньму Цю расплылась в лучезарной улыбке, и ее красивые глаза задорно заблестели. — Этот юноша — настоящий магнит для сокровищ.

Чжоу Тун лишь покачал головой.

Хань Цицин растерянно промолчал.

— Госпожа Дуаньму, вы мне льстите, — мягко парировал Чжоу Тун.

— Ну какая я тебе госпожа? — притворно надулась Дуаньму Цю. — И не смотри, что я выгляжу ровесницей. По статусу я старше тебя на целое поколение. Тебе ведь известно, что я тетя Цицина?

— Да, знаю.

— Вот и славно. Называй меня просто тетушкой, как и он.

Чжоу Тун предпочел тактично промолчать.

Дуаньму Цю весело окинула взглядом обоих юношей:

— Знаете, а вы чудесно смотрите вместе. Один — серьезный и сдержанный, второй — мягкий и заботливый. Из вас вышла бы прекрасная пара!

От столь внезапного заявления оба молодых человека дружно лишились дара речи.

Едва Дуаньму Цю собралась развить тему, как вдруг побледнела. Воздуха в легких внезапно перестало хватать, улыбка сошла с ее лица, и она, схватившись за грудь, прерывисто задышала:

— Ох... Кхм... Что это...

— Тетушка! Что с вами? — перепугался Хань Цицин, подхватывая ее под руку.

— Грудь... будто тисками сжало... дышать больно... — с трудом выдавила она.

Чжоу Тун негромко кашлянул и мысленно одернул невидимого спутника:

«Лин Юань, прекрати немедленно. Хватит проказничать».

* «Ее духовная аура невероятно приятна на вкус»,* — отозвался Лин Юань, послушно ослабляя хватку.

Чжоу Тун вздохнул и мысленно покачал головой:

«Мы на людях. Веди себя прилично, не ровен час — заметят».

* «Ладно»,* — безучастно бросил Лин Юань и скрылся в узоре на запястье.

Дуаньму Цю мгновенно полегчало. Опираясь на плечо испуганного племянника, она сделала несколько глубоких вдохов. Боль ушла так же внезапно, как и появилась. Озадаченно оглядевшись по сторонам, она пробормотала:

— Что это сейчас было?..

— Наверное, дело в душном воздухе аэропорта, — непринужденно улыбнулся Чжоу Тун. — Нам пора на посадку, пойдете.

— Да, пожалуй... — Дуаньму Цю все еще с подозрением озиралась, но, так ничего и не обнаружив, утихомирилась.

Лайнер взял курс на юг и спустя два часа приземлился в пункте назначения.

Несмотря на то что клан носил имя Хань с Южного острова, их родовое поместье располагалось на вершине Цинфэншань — единственной величественной горы прибрежного южного мегаполиса, окруженного россыпью живописных островков.

Едва сойдя с трапа, Дуаньму Цю, не терпящим возражений тоном пресекая любые попытки Хань Цицина пойти с ней, забрала свои вещи и уехала в отель, предоставив молодым людям добираться самостоятельно.

— Тетушка всегда недолюбливала порядки нашей семьи, — с виноватой улыбкой пояснил Хань Цицин. — Если бы не годовщина смерти моей матушки, ее бы сюда и калачом не заманили.

Чжоу Тун лишь понимающе кивнул. Чужие семейные тайны его мало интересовали.

Поймав такси, они быстро доехали до подножия горы Цинфэншань.

В наши дни гора превратилась в популярное туристическое место. Внизу раскинулась огромная парковка, забитая автобусами, а местные торговцы наперебой предлагали паломникам благовония, ритуальные свечи и бумажные подношения для монастырей на вершине.

Хань Цицин уверенно обогнул шумную толпу туристов и увлек спутника на неприметную лесную тропинку.

Раздвинув густые заросли папоротника, он явил взору скрытый на земле древний телепортационный массив. Достав из нагрудного кармана зеленоватый кристалл, Хань Цицин протянул его Чжоу Туну:

— Направь немного духовной энергии в этот камень и наступи в круг. Формация сама перенесет тебя прямо к главным воротам нашей обители.

Чжоу Тун невольно изумился про себя.

«Настоящие высокие технологии древности...»

— Наследие предков, — улыбнулся Хань Цицин, заметив его удивление. — В прежние эпохи подобные врата были у каждого крупного ордена, но до наших дней секрет их создания сберег лишь наш клан.

Они по очереди шагнули в круг. Земля под ногами мягко колыхнулась, и Чжоу Тун ощутил невесомость, словно его подхватило пушистое облако. Невидимая сила плавно понесла его ввысь, огибая вековые деревья и крутые скалы. Ощущение напоминало полет на фуникулере, но без каких-либо кабин — тело ласкали порывы горного воздуха, а от резких ледяных сквозняков надежно защищал легкий полупрозрачный купол магической энергии, окутавший его со всех сторон.

Когда полет завершился, они оказались перед монументальной каменной аркой.

На ее вершине красовалась искусно вырезанная каллиграфическая надпись: «Великий предел». По правую сторону высились строки: «Небо и Земля беспристрастны: творящему добро воздастся эликсиром бессмертия», а по левую: «Мудрецы завещали: лишь взрастив добродетель в себе, сможешь уберечь свой дом».

В этот момент из-за ворот показалась вереница людей в строгих даосских одеждах, держащих в руках ритуальное оружие и талисманы. Заметив предводителя процессии, Хань Цицин мгновенно растерял веселость и почтительно склонился, сложив руки перед грудью:

— Приветствую вас, второй дядя.

— Угу, — коротко отозвался тот.

Высокий суровый мужчина во главе отряда смерил юношу ледяным взглядом, пренебрежительно хмыкнул и, не останавливаясь, проследовал мимо, увлекая подчиненных вниз по горной тропе.

— Это мой второй дядя, Хань Чи, — вздохнул Хань Цицин, провожая взглядом процессию. — После кончины моего отца все бразды правления кланом перешли к нему. У него крутой нрав и тяжелый характер, так что не принимай его холодность на свой счет.

— Пустяки, не беспокойся, — отозвался Чжоу Тун.

— Вообще-то, о печати стоило расспросить именно его, — продолжил Хань Цицин. — Но, судя по всему, внизу стряслось нечто важное, раз он так спешно покинул гору. Давай лучше навестим бабушку. Правда, она уже совсем стара, и память частенько подводит ее — порой не помнит, что делала вчера. Надеюсь, о событиях тридцатилетней давности она еще не позабыла.

— Ничего страшного. Я никуда не тороплюсь, да и здешние пейзажи стоят того, чтобы задержаться подольше.

— Спасибо за понимание, — признательно улыбнулся Хань Цицин.

Они направились к покоям старой госпожи Хань, но слуги сообщили, что почтенная старейшина сейчас почивает. Не желая тревожить ее сон, Хань Цицин предложил гостю прогуляться по территории усадьбы. Чжоу Тун шел, незаметно сжимая в руке Янчжан. Магические печати обладали способностью притягиваться друг к другу: если Иньская печать действительно хранилась где-то в пределах поместья Хань, то Янская непременно должна была отозваться дрожью. Однако на протяжении всей прогулки артефакт вел себя тихо, словно спал глубоким сном.

— А это наше священное древо бодхи, — указал Хань Цицин на исполинский ствол с раскидистой кроной. — Предания гласят, что ему без малого десять тысяч лет. Вся растительность на горе Цинфэншань питается исходящей от него благодатной энергией.

— Да и этот горный источник, должно быть, обязан своей кристальной чистотой живительным сокам векового исполина, — заметил Чжоу Тун, любясь бьющим неподалеку ключом.

— Верно. В природе все взаимосвязано и служит ко всеобщему благу.

— О, кого я вижу! Сам молодой господин Хань Цицин соизволил почтить нас своим присутствием? Какая редкая встреча! — раздался за их спинами язвительный насмешливый голос.

Хань Цицин мгновенно нахмурился и резко обернулся.

Чжоу Тун последовал его примеру.

Перед ними стоял юноша лет двадцати. На его привлекательном лице играла высокомерная ухмылка, однако в прищуре раскосых глаз читалась нетипичная для столь юного возраста злоба. Было очевидно, что перед ними — заносчивый смутянь, привыкший искать неприятностей.

<http://bllate.org/book/18246/1764710>